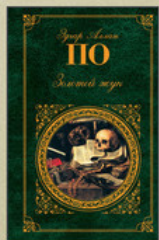

Эдгар Аллан По

Падение дома Эшеров

Часть сборника
Золотой жук (сборник)

Эдгар Аллан По

Падение дома Эшеров

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168219

Э.По Золотой жук. Рассказы: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 978-5-699-07815-8, 5-699-07815-0

Оригинал: EdgarPoe, "The Fall of the House of Usher"

Перевод:

Михаил Александрович Энгельгардт

Аннотация

«Весь этот день – тусклый, беззвучный осенний день – я ехал верхом по необычно пустынной местности, над которой низко нависли свинцовые тучи, и наконец, когда вечерние тени легли на землю, очутился перед унылой усадьбой Эшера. Не знаю почему, но при первом взгляде на нее невыносимая тоска проникла мне в душу. Я говорю: невыносимая, потому что она не смягчалась тем грустным, но сладостным поэтическим чувством, которое вызывают в человеке даже самые ужасные и мрачные картины природы. Я смотрел на запустелую усадьбу – на одинокий дом и угрюмые стены, на зияющие глазницы выбитых окон, чахлую осоку, седые стволы дряхлых деревьев – с чувством гнетущим, которое могу сравнить только с пробуждением курильщика опиума, горьким возвращением к обыденной жизни, когда завеса

спадает с глаз и презренная действительность обнажается во всем своем безобразии...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Эдгар Аллан По

Падение дома Эшеров

*Son coeur est un luth suspendu,
Sitôt qu'ou le touche il resonance¹.*

De Beranger

Весь этот день – тусклый, беззвучный осенний день – я ехал верхом по необычно пустынной местности, над которой низко нависли свинцовые тучи, и наконец, когда вечерние тени легли на землю, очутился перед унылой усадьбой Эшера. Не знаю почему, но при первом взгляде на нее невыносимая тоска проникла мне в душу. Я говорю: невыносимая, потому что она не смягчалась тем грустным, но сладостным поэтическим чувством, которое вызывают в человеке даже самые ужасные и мрачные картины природы. Я смотрел на запустелую усадьбу – на одинокий дом и угрюмые стены, на зияющие глазницы выбитых окон, чахлую осоку, седые стволы дряхлых деревьев – с чувством гнетущим, которое могу сравнить только с пробуждением курильщика опиума, горьким возвращением к обыденной жизни, когда завеса спадает с глаз и презренная действительность обнажается во всем своем безобразии.

То была леденящая, ноющая, сосущая боль сердца, безотрадная пустота в мыслях; и воображение тщетно силилось

¹ Его сердце – висящая лютя, Коснешься – и она зазвучит. Беранже

настроить душу на более возвышенный лад. «Что же именно, – подумал я, – что именно так удручает меня, когда я смотрю на дом Эшера?» Я не мог разрешить этой тайны; не мог разобраться в тумане нахлынувших на меня смутных впечатлений. Пришлось удовольствоваться ничего не объясняющим выводом, что известные сочетания весьма естественных предметов могут влиять на нас особым образом, но исследовать это влияние – задача непосильная для нашего ума. «Возможно, – думал я, – что простая перестановка, иное расположение мелочей, подробностей картины изменят или уничтожат столь гнетущее впечатление». Под влиянием этой мысли я подъехал к самому краю обрыва над черным, мрачным прудом, неподвижная гладь которого раскинулась перед самой усадьбой, и содрогнулся еще сильнее, увидев чахлую осоку, серые стволы деревьев, пустые глазницы окон, отраженные в воде.

Тем не менее я предполагал провести несколько недель в этом угрюмом жилище. Владелец его, Родерик Эшер, был моим другом детства; но много воды утекло с тех пор, как мы виделись в последний раз. И вот недавно я получил от него письмо – очень странное, настойчивое, требовавшее личного свидания. Письмо свидетельствовало о сильном нервном возбуждении. Эшер описывал свои жестокие физические страдания, свое душевное расстройство, он хотел непременно повидать меня, своего лучшего, даже единственного, друга, общество которого облегчит его мучения. Тон письма,

его очевидная сердечность заставили меня принять приглашение без всяких колебаний; но, хотя я и последовал ему, оно все же казалось мне странным.

Несмотря на нашу тесную дружбу в детские годы, я знал своего друга очень мало. Крайняя замкнутость вошла в него в привычку. Мне было известно, однако, что он принадлежит к очень древнему роду, представители которого с незапамятных времен отличались особенно тонкой восприимчивостью, – она сказывалась и в различных произведениях искусства, создававшихся Эшерами в течение многих веков и всегда носивших отпечаток восторженности, а позднее – в щедрой, но отнюдь не навязчивой благотворительности и в страстной любви к музыке – скорее к ее трудностям, чем к признанным и легкодоступным красотам. Мне известен также примечательный факт, что этот род при всей своей древности не породил ни одной сколько-нибудь живучей боковой ветви; иными словами, что все его члены, за весьма немногими и случайными отклонениями, были связаны родством по прямой линии. Когда я размышлял об удивительном соответствии между характером поместья и характером его владельцев и о возможном влиянии первого на второй в течение многих столетий, мне часто приходило в голову: не это ли отсутствие боковой линии и неизменная передача от отца к сыну имени и поместья так соединили эти последние, что первоначальное название усадьбы местные крестьяне заменили странным и двусмысленным прозвищем: Дом Эше-

ров, под которым они разумели как самих владельцев, так и их родовое поместье.

Я сказал, что моя довольно ребяческая попытка приободриться, – заглянув в пруд, – только углубила первые впечатления. Не сомневаюсь, что мысль о каком-то суеверном страхе людей перед этим домом – почему не употребить мне слово «суеверный»? – усилила его воздействие. Таков – я давно убедился в этом – парадоксальный закон всех душевных движений, в основе которых лежит чувство ужаса. Быть может, только этим и объясняется странная фантазия, появившаяся у меня, когда я перевел взгляд с отражения на усадьбу, – фантазия просто смешная, так что и упоминать бы о ней не стоило, если бы она не свидетельствовала об осаждавших меня ощущениях. Мне почудилось, будто и дом и вся усадьба окружены совершенно особенной, только им присущей, тяжелой атмосферой, несколько не похожей на окружающий вольный воздух, словно над гниющими деревьями, ветхой стеной, молчаливым прудом стояли какие-то загадочные испарения, смутные, едва уловимые, но удушливые.

Страхнув с души все эти образы, которые, конечно, были бредом, я стал внимательно рассматривать самый дом. Прежде всего бросалась в глаза его глубокая древность. Века обесцветили его, наложив свою неизгладимую печать. Мох и плесень почти сплошь покрывали дом, свешиваясь косматыми прядями по краям крыши. Но больше всего бросались в глаза признаки тления. Ни одна часть дома не обвали-

лась, – тем более поражало несоответствие общей, уцелевшей во всех своих частях постройки с обветшалостью раскрошившихся кирпичей. Такой вид имеет иногда изъеденная годами старинная деревянная резьба в каком-нибудь заброшенном помещении, куда не проникает свежий воздух. Впрочем, кроме этих признаков ветхости, ничто не говорило о грозящем разрушении. И только очень внимательный наблюдатель заметил бы легкую, чуть видную трещину, которая, начинаясь под крышей на фасаде здания, шла по стене зигзагами, исчезая потом в мутных водах пруда.

Рассмотрев все это, я подъехал к дому. Слуга принял мою лошадь, и я вошел через готический подъезд в вестибюль. Отсюда лакей, неслышно ступая, провел меня по темным извилистым коридорам в кабинет своего господина. Многое из того, что встречалось мне по пути, усиливало смутное впечатление, о котором я уже говорил. Все это – резные потолки, темные обои, полы, окрашенные в черную краску, фантастические воинские доспехи, звеневшие, когда я проходил мимо, – было мне знакомо с детства; но, хотя я сразу узнал эти комнаты, столь знакомые предметы возбуждали во мне совершенно незнакомые ощущения. На одной из лестниц я встретил домашнего врача Эшеров. Лицо его, как мне показалось, выражало смесь смущения и низкой хитрости. Он, видимо, спешил и только кивнул мне мимоходом. Наконец лакей распахнул дверь и доложил о моем приезде.

Я очутился в высокой и просторной комнате. Длинные,

узкие стрельчатые окна находились так высоко от черного дубового пола, что были совершенно недоступны. Тусклый красноватый свет проникал сквозь решетки, так что наиболее крупные предметы обрисовывались довольно ясно; но глаз тщетно старался проникнуть в отдаленные углы комнаты и выемки сводчатого расписного потолка. Стены были задрапированы темными тканями. Роскошная старинная мебель была неудобной и ветхой. Разбросанные всюду книги и музыкальные инструменты не оживляли комнату. Самый воздух, казалось, был напоен тоскою. Угрюмая, бесконечная, безнадежная – висела она надо всем, пронизывала все.

Когда я вошел, Эшер встал с дивана, на котором лежал вытянувшись, и приветствовал меня с радостью, которая показалась мне несколько преувеличенной и искусственной, как у светских людей, которым наскучило все на свете. Но, взглянув на него, я убедился в его полной искренности. Мы сели; с минуту я глядел на него со смешанным чувством тревоги и жалости. Без сомнения, никогда еще человек не изменялся так страшно в такой короткий срок, как Родерик Эшер! Я едва мог признать в этом изможденном создании друга моих детских игр. А между тем наружность его была примечательна. Мертвенно-бледная кожа; огромные, светлые, с невыразимым влажным блеском глаза; губы тонкие, бледные, но необычного рисунка; изящный еврейский нос с чересчур широкими ноздрями; маленький изящный подбородок, однако лишенный энергических очертаний (признак

душевной слабости); мягкие волосы, тонкие-тонкие, как паутинки; лоб, расширяющийся над висками и необычайно высокий, – такую наружность трудно забыть. Своеобразие этого лица и присущее ему выражение теперь обозначились еще отчетливее, – но именно это обстоятельство изменяло его до неузнаваемости, так что я даже усомнился, точно ли это мой старый друг. Больше всего поразили, даже испугали меня призрачная бледность его лица и влажный блеск глаз. Шелковистая паутина волос, очевидно, давно уже не знавших ножниц, обрамляла лицо легкими, словно парящими прядями и тоже придавала ему какой-то нездешний вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.